Digital Library (repository of Tomsk State University) http://vital.lib.tsu.ru/

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ № 23

СИБИРСКАГО ВѢСТНИКА.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

„СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

ВЪ 1891 ГОДУ.

Въ 1891 г. «Сибирскій Вѣстникъ» выходитъ **три раза въ недѣлю**: по понедѣльникамъ, середамъ и пятницамъ. Въ остальные дни будутъ выходить, въ предѣлахъ редакціонной возможности, преимущественно по **субботамъ**, *ПРИБАВЛЕНІЯ*, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ и времени осеннаго и весеннаго перерыва почтъ, когда будутъ выпускаться только телеграммы «Сѣвернаго Агентства» для городскихъ подписчиковъ.

Въ Прибавленіяхъ періодическіе помѣщаются свѣдѣнія о **золотопромышленности**, заключающія въ себѣ всѣ распоряженія правительства, касающіяся золотаго промысла; свѣдѣнія о пріискахъ, отошедшихъ въ казну, назначенныхъ къ торгамъ и подлежащихъ заявкѣ, и всѣ объявленія горнаго начальства Восточной и Западной Сибири. Кромѣ того, **тутъ-же помѣщаются торговыя свѣдѣнія и курсъ на ассигновки на золото.**

«Сибирскій Вѣстникъ», **служа, главнымъ образомъ, мѣстнымъ интересамъ всего обширнаго Сибирскаго края**, въ тоже время старается знакомить читателей и съ жизнью и дѣятельностью, какъ Европейской Россіи, такъ и иностранныхъ государствъ.

Вообще, редакція «Сибирскаго Вѣстника» стремится къ тому—**по сколько это въ ея силахъ и возможности**,—чтобъ «Сибирскій Вѣстникъ» могъ хотя отчасти, замѣнять читателямъ любую столичную газету, и они бы находили въ немъ всѣ выдающіяся свѣдѣнія какъ изъ области общественной жизни Европейской Россіи и иностранныхъ государствъ, такъ и политики, литературы и проч.

«Сибирскій Вѣстникъ» заключаетъ въ себѣ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

I. **Передовыя статьи** (по всѣмъ вопросамъ и злобамъ дня, преимущественно—прямо или косвенно касающимся Сибири). II. **Текущія замѣтки** (свѣдѣнія о болѣе выдающихся распоряженіяхъ правительственныхъ мѣстъ, лицъ и событіяхъ, дѣятельности замѣчательныхъ лицъ и т. д.). III. **Мысли вслухъ** (подъ этимъ заголовкомъ помѣщаются статьи, имѣющія цѣлью высказать свой взглядъ на какой-либо вопросъ, касающійся интересовъ Сибири, обсудить этотъ вопросъ или пробудить новый вопросъ по какому-либо предмету, и т. д.). IV. **Мѣстная хроника** (сюда относятся отчеты о наблюденіяхъ мѣстной тонкой души, сослуживцъ и другихъ обществъ, замѣтки о городскихъ происшествіяхъ, указанія на различныя явленія мѣстной жизни и т. д.). V. **Судебная хроника** (отчеты о выдающихся уголовныхъ и гражданскихъ процессахъ, преимущественно, происходившихъ въ сибирскихъ судебныхъ учрежденіяхъ). VI. **Театръ и музыка** (рецензіи и отчеты о спектакляхъ, концертахъ и проч., дававшихъ въ Томскѣ и другихъ мѣстностяхъ Сибири. Выдающіяся факты и событія въ области музыкальнаго и сценическаго искусства въ Россіи и заграницей). VII. **Корреспонденціи** (преимущественно, изъ городовъ и селеній Сибири). VIII. **Сибирская печать** (свѣдѣнія, заимствованныя изъ изданій, выходящихъ въ Сибири и, вообще, Азіатской Россіи). IX. **Дѣйствія правительства** (новыя узаконенія и дополненія къ нимъ, относящіяся до Сибири). X. **Внутренняя и заграничная хроника** (выдающіяся событія и происшествія въ Европейской Россіи и въ иностранныхъ государствахъ). XI. **Фельетонъ** (въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются: повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія, обзорные ежемѣсячныхъ журналовъ и разборъ выдающихся произведеній въ мѣстности, отъ русской и чисто сибирской жизни, статьи о народномъ образованіи, свѣдѣнія объ открытіяхъ въ области разныхъ наукъ, очерки заграничной жизни, статьи экономическаго содержанія, библіографическія замѣтки о вновь выдающихся сочиненіяхъ и періодическихъ изданіяхъ и т. п.; кромѣ того—преимущественно по воскресеньямъ—фельетонъ изъ сибирской жизни, подъ общимъ названіемъ: «*Тамъ на жилѣ*»). XII. **Разныя извѣстія**. XIII. **Между прочимъ** (въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются разныя мелкіе анекдоты, сцены, курьезы, свѣдѣнія по разнымъ предметамъ и т. п.). XIV. **Справочныя свѣдѣнія** и XV. **Объявленія**.

Кромѣ того, въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» помѣщаются подробныя свѣдѣнія по всѣмъ вопросамъ, касающимся переселенческаго дѣла въ Сибири.

Въ 1891 г. въ «Сиб. Вѣст.» помѣщается: по пятницамъ въ фельетонѣ „ЖЕРТВЫ", разсказъ изъ сибирской жизни, а по субботамъ въ прибавл. „ПОЧЕТНЫЕ ВАРНАКИ", хроника двухъ угол. дѣлъ.

Подписная цѣна:

на годъ—9 р., на ½ года—5 р., на 3 мѣсяца—3 р., и на 1 мѣсяцъ—1 р. 25 к.

Подписка принимается: 1) Въ Томскѣ: Въ Главной конторѣ редакціи «Сибирскаго Вѣстника», Спасская улица, домъ Картамышевой, съ 8 до 2 час. утра и съ 4 до 8 часовъ вечера, и въ «Сибирскомъ Книжномъ Магазинѣ» Макарова и Макушина. 2) **Въ Отдѣленіяхъ Конторы** Красноярскъ—библіотека Макарова; Иркутскъ—уполномоченный М. А. Жебокрицкій, собственный домъ Е. Л. Лейбовичъ.

Редакторъ-издатель Б. И. КАРТАМЫШЕВЪ.

„СЛАВЯНСКІЙ БАЗАРЪ"
РЕСТОРАНЪ
ОТКРЫТЪ ЕЖЕДНЕВНО.
БЛИНЫ
съ 11 час. утра до 5 ч. вечера ежедневно.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мѣсяцесловъ.
Телеграммы.
Письма въ редакцію.
Внутренняя хроника.
Заграничная хроника.
Справочныя свѣдѣнія.
Фельетонъ: 1) Обратно.

МѢСЯЦЕСЛОВЪ.

Суббота, 23 февраля.

Свв. Поликарпа, Іп. Іоанна, Антіоха, Антонина, Моисея, Зенина, Полихроніи, Дамиана, Александра, Поликарпа. «Сокольской» ик. БМ.

ТЕЛЕГРАММЫ.

«Сѣвернаго Телегр. Агентства»

Петербургъ, 21 февраля. «Правительственный Вѣстникъ» сообщаетъ, что здоровье великаго князя Георгія Александровича находится въ удовлетворительномъ состояніи, хотя для полнаго возстановленія силъ необходимо пребываніе, нѣкоторое время, въ тепломъ климатѣ. Къ пріѣзду великаго князя въ Аѳины для пользованія Его Высочества командированы изъ Петербурга почетный лейбъ-медикъ Альшевскій и старшій врачъ Мариинской больницы Айкановъ. 23 февраля предположенъ отъѣздъ великаго князя надѣяли на три въ Алжиръ; помимо указанныхъ лицъ, для сопровожденія Его Высочества отправляется начальникъ канцеляріи главной квартиры генералъ Олсуфьевъ.

Тамбовъ, 21 февраля. Губернское земство предполагаетъ устроить колоніи малолѣтнихъ преступниковъ.

Варшава, 21 февраля. Сюда пріѣхалъ изъ заграницы принцъ Луи Филиппъ Орлеанскій, бывшій недавно въ Петербургѣ.

Сингапуръ, 21 февраля (5 марта). Сегодня на разсѣдѣтѣ Цесаревичъ отбылъ въ Батавію.

Берлинъ, 21 февраля (5 марта). Областная земская комиссія Эльзасъ-Лотарингіи постановила ходатайствовать передъ императоромъ объ отмѣнѣ или, по крайней мѣрѣ, смягченіи паспортныхъ мѣръ противъ Франціи, увѣряя монарха, что никакая агитація извнѣ не въ состояніи поколебать вѣрноподданническихъ чувствъ населенія Эльзасъ-Лотарингіи.

— Опять говорятъ, что въ заключенномъ между Австро-Венгріей и Германіей новомъ торговомъ договорѣ будутъ установлены дифференціальныя пошлины на хлѣбъ въ тщербъ Россіи.

Римъ, 21 февраля (5 марта). Въ палатѣ депутатовъ Рудини заявилъ, что Италія не порвала узъ тройственнаго союза желаетъ поддерживать дружескія отношенія съ Франціей, которая вовсе не угрожаетъ равновѣсію въ Средиземномъ морѣ; относительно экспедиціи Мацкова Рудини сказалъ, что это чисто научная экспедиція и что итальянское правительство окажетъ экспедиціи содѣйствіе, такъ такъ оно находится въ отличныхъ отношеніяхъ съ Непусомъ.

Письма въ редакцію.

М. г., господинъ редакторъ!

Въ виду возстановленія истины, просимъ васъ не отказать помѣстить въ издаваемой вами газетѣ настоящее наше объясненіе по поводу возникшихъ между нами и антрепренерами, томскаго театра г.г. Кравченко и Рыжаковымъ недоразумѣній, послужившихъ причиной оставленія нами службы въ театрѣ.

Въ № 19-мъ «Сибирскаго Вѣстника» помѣщено письмо г. Кравченко, изъ котораго можно извлечь заключеніе, что всѣ невзгоды, обрушившіяся на г.г. антрепренеровъ, произошли по нашей, нижеподписавшихся, винѣ.

Г. Кравченко дѣлалъ намъ всевозможныя уступки и предлагалъ намъ, какъ «*честный человѣкъ*», все, что было въ его силахъ лишь бы не убить дѣло, а мы, неблагодарные, изъ какого-то непонятнаго упрямства, отвергли всѣ его благія предложенія и оставили себя безъ куска хлѣба. Дѣлая такое категорическое заявленіе, г. Кравченко упустилъ изъ вида то обстоятельство, что помимо его словесныхъ намъ предложеній, которыя можно было истолковать каждому по своему, существуютъ письменныя документы, находящіеся въ томскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи, могущія съ достовѣрностью возстановить наши къ г.г. антрепренерамъ отношенія.

Предложимъ нѣсколько словъ тѣмъ объясненіямъ, съ которыми мы считаемъ необходимымъ познакомить общественное мнѣніе: въ виду немногочисленности, чисто личныхъ отношеній г. Кравченко съ большинствомъ изъ артистовъ, т. е. крайне рѣзкаго, грубаго тона, котораго онъ держался со всѣми, за исключеніемъ семейства Монтшевича и отчасти Печорина, вышли изъ состава труппы еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года Зиро, а позднѣе Леонтьевъ и Орлова. Затѣмъ послѣдовалъ и нашъ, нижеподписавшихся, выходъ. Каждый изъ числа читающей публики хорошо понялъ, что что мы, артисты, находясь за тысячи верстъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ могли-бы, оставивъ одну труппу, найти себѣ заработокъ въ другой, въ силу исключительно крайней необходимости и безвыходнаго положенія, прибѣгаемъ къ послѣднему средству—оставленію труппы, рискуя остаться безъ куска насущнаго хлѣба. И дѣйствительно, причины, побудившія оставить насъ г.г. Кравченко и Рыжакова, весьма серьезны: какъ и въ прежнемъ нашемъ письмѣ, такъ и нынѣ, мы повторяемъ, что были приглашены антрепренерами въ театръ, гдѣ намъ г. Кравченко публично заявилъ о невозможности его, по неимѣнію средствъ, уплатить намъ жалованье за январь мѣсяцъ. Мы люди съ очень ограниченными средствами и живемъ исключительно жалованьемъ; не получая за январь, мы имѣли полное основаніе полагать, что и за февраль ничего не получимъ и должны поэтому голодать; работать-же безвозмездно въ пользу антрепренеровъ мы не нашли возможнымъ. Приносимая отсутствіе средствъ неуплѣту поведенію дѣла г-мъ Кравченко (Рыжакова мы склонны считать лицомъ страдательнымъ), мы въ официально поданномъ 3-го февраля въ томское городское полицейское управленіе прошеніи изложили причины, по которымъ считали невозможнымъ дальнѣйшее существованіе тѣхъ порядковъ, которые царили у г. Кравченко, и сдѣлали г.г. антрепренерамъ предложеніе отказаться отъ дальнѣйшей антрепризы и передать веденіе театральнаго дѣла, до окончанія сезона, товариществу г.г. артистовъ, причемъ участникомъ онаго долженъ былъ быть и самъ г. Кравченко съ мѣсячнымъ окладомъ жалованья въ 350 р. Главные пункты нашего предложенія были слѣдующіе:

1) Г.г. Кравченко и Рыжаковъ должны безусловно устранить себя отъ всякаго участія въ администраціи театра и передать всецѣло такую товариществу вѣстъ, вообще, артистовъ, служившихъ въ текущемъ сезонѣ въ томскомъ городскомъ театрѣ.

2) Г.г. Кравченко и Рыжаковъ нынѣ-же должны передать въ завѣдываніе 3-хъ лицъ, уполномоченныхъ г.г. артистами театра, костюмы, библіотеку (нотную и драматическую), декораціи, лампы и, вообще, всю обстановку театра.

3) Они-же, Кравченко и Рыжаковъ, передаютъ товариществу г.г. артистовъ вѣшалку театра и плату, слѣдуемую за буфетъ.

4) Всѣ доли, сдѣланныя г.г. Кравченко и Рыжаковымъ по день передачи театра считаются на ихъ личной отвѣтственности и товарищество г.г. артистовъ отвѣтственности за эти доли на себя не принимаетъ.

5) Общія театральныя правила, изложенныя въ заключенныхъ нами съ антрепренерами контрактахъ остаются безъ измѣненія и переносятся лишь съ личностей г.г. Кравченко и Рыжакова на товарищество г.г. артистовъ.

6) Изъ текущихъ доходовъ товарищество г.г. артистовъ уплачиваетъ слѣдуемую арендную плату за театръ г. Королову, за текущее время, а равно производитъ всѣ платежи лицамъ, состоящимъ при театрѣ на жалованьи. Затѣмъ, изъ оставшейся, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, суммы г.г. артисты получаютъ, если конечно сумма будетъ для этого достаточна, свое жалованье за февраль мѣсяцъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они должны были бы его получить согласно заключенному каждымъ изъ нихъ съ г.г. антрепренерами контракту; если-же сумма будетъ недостаточна, то тогда г.г. артисты получаютъ вознагражденіе пропорціонально полученному ими жалованью. Если, по удовлетвореніи г.г. артистовъ жалованьемъ за февраль мѣсяцъ, получится остатокъ, то таковой дѣлится между товариществомъ, пропорціонально полученному каждымъ изъ нихъ жалованью, и поступаетъ въ счетъ жалованья за январь мѣсяцъ. Если и послѣ этого получится остатокъ, то таковой поступаетъ въ пользу г.г. Кравченко и Рыжакова на уплату ихъ личныхъ долговъ.

7) Товарищество г.г. артистовъ избираетъ изъ своей среды нѣсколькихъ администраторовъ, которые и ведутъ дѣло отъ имени всѣхъ товарищей артистовъ.

8) Участіе г. Кравченко въ спектакляхъ, даваемыхъ товариществомъ, на общихъ со всѣми артистами основаніяхъ, является для него обязательнымъ.

9) Соглашеніе г.г. антрепренеровъ съ товариществомъ должно быть засвидѣтельствовано подлежащей властью.

На сколько честно и добросовѣстно было наше предложеніе, какъ по отношенію самихъ г.г. антрепренеровъ, такъ равно и всѣхъ товарищей труппы, въ особенности тѣхъ, которые сполна получили слѣдуемое имъ жалованье—предоставляемъ судить обществу.

Приглашенные въ тотъ-же день въ присутствіе полицейскаго управленія, г.г. Кравченко и Рыжаковъ отъ принятія нашего предложенія на вышеизложенныхъ условіяхъ отказались.

Убѣждаемый г. полицейскимъ, окончить съ нами миролюбиво, г. Кравченко извинилъ, хотя крайне неохотно, свое согласіе на передачу театра до окончанія сезона товариществу, обязывая его произвести изъ первыхъ суммъ, имѣющихъ поступить въ кассу слѣдующіе платежи: частный долгъ г. Кравченко въ магазины 300 р.; музыкантамъ недоплаченное ими жалованье 530 р.; хору 100 руб. и другіе расходы—всего свыше 1000 р. Г.-же Рыжаковъ въ этому прибавилъ, что вѣшалку и плату за буфетъ они оставляютъ за собою*). Конечно мы не могли согласиться на такія условія и услышали по своему адресу: «шайка грабителей!», «мерзавцы!»,—вообще, все то, что побудило тѣхъ изъ насъ, которымъ дорога честь и нравственное достоинство,—оставить труппу г. Кравченко.

Считаемъ долгомъ присовокупить одно: для разъясненія причинъ возникшихъ между нами неудовольствій и провѣрки денежной отчетности г.г. антрепренеровъ избираетъ третейскій судъ, состоящій изъ трехъ лицъ: г.г. Шевёрра, Юркевича и Томашинскаго. Имена этихъ лицъ пользуются заслуженнымъ почетомъ и уваженіемъ, и мы заранѣе подчиняемся ихъ приговору. Свѣдѣнія дѣлаться, что г.г. судьи, окончивъ свои занятія, поставятъ какъ насъ, такъ равно и общество, въ извѣстность обо всемъ, что ими будетъ найдено и къ какому результату они придутъ. Тогда пусть разсудитъ насъ общественное мнѣніе.

Чернявскій. Варламова. Артимовъ. Чернявская. В. Лаптевъ. Е. Лаптева.

М. г., г. редакторъ!

Въ № 20 (15 февраля) «Сиб. В.» помѣщено письмо г-жи Ѳедоровой...

Г-жа Ѳ. заявляетъ, что антреприза ей должна 211 руб. за декабрь и 300 р. за январь, *всего 511 руб.* Мы утверждали въ первомъ

*) Какъ предложеніе артистовъ, такъ равно и условіе антрепренеровъ находятся въ подлинникахъ въ дѣлахъ Томскаго городскаго полицейскаго управленія.

Примѣчаніе редакціи.

ФЕЛЬЕТОНЪ „СИБИРСКАГО ВѢСТНИКА"

Обратно.

(Изъ писемъ въ Европу).

Тюмень. Въ сентябрьское утро маленькая зала желѣзнодорожнаго вокзала наполнялась не столько пассажирами прибывшаго поѣзда, сколько ихъ дорожными вѣшками, сундуками, корзинами, подушками и прочими дорожными принадлежностями, изобиловавшими, что владѣльцы ихъ путники дальніе. Дѣйствительно, находившіеся въ залѣ пассажиры всѣ ѣхали дальше—въ Сибирь; разглядывались на группы, они оживленно обсуждали способъ дальнѣйшаго движенія. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе желоводья р. Туры пароходы отходили уже не отъ Тюмени, а отъ деревни Ивлевой, находящейся въ 140 вер., на р. Тоболѣ; предстоящее путешествіе на лошадяхъ до Ивлевой не мало озаботило путниковъ, въ особенности не страдающихъ избыткомъ капитала... У всѣхъ теперь была одна забота—подешевле нанять лошадей и поскорѣе прибыть на пристань, чтобы захватить билетъ. Мало по малу лошади разыскивались, и залъ постепенно пустѣлъ. Убогій коробокъ, влекомый парой лошадеенокъ, вмѣстилъ мою персону и даму, пробирающуюся въ В. Сибирь; предварительно мы приспособили багажъ относительно себя, себя—относительно багажа, и затѣмъ тронулись. И вотъ снова пришлось мнѣ видѣть эту унылую Тюмень въ ненастные осенніе дни... Меня сразу взяла та-же тоска, которой я томился назадъ тому нѣсколько лѣтъ, когда въ первый разъ ѣхалъ въ Сибирь, когда еще не было Тюменской желѣзной дороги; тогда я недѣлю жилъ въ этомъ печальномъ и грязномъ городѣ, подыскивая попутчика. Послѣ первыхъ же сутокъ, ознакомившись съ Тюменью, я едва не заплакалъ: неужели, думалось мнѣ, и остальные сибирскіе города таковы? Непроходимая грязь, постройки, своимъ видомъ напоминающія деревню, какая-то безжизненность улицъ, отвратительная скверная вода, которую пьютъ обыватели, все это тогда произвело на меня удручающее впечатлѣніе. И теперь, только выѣхавъ за городъ, я освободился отъ воспоминаній прошлаго и вздохнулъ свободно.

Мы двинулись по проселочному тракту, ни тихо, ни скоро, ныряя въ колеи, объѣзжая обозы; насъ мочитъ мелкій осенній дождь. Вдемъ на слѣдующій станокъ, а что это—деревня или село, и даже не интересуюсь знать, довольствуясь сознаніемъ, что подвигаюсь впередъ по пути—большія татарскія селенія съ каменными мечетями. Около 6 час. вечера мы прибыли на слѣдующую станцію, сдѣлавъ около 35 верстъ. Возница доставилъ насъ по дворъ своего пріятеля «дружка», который повезъ бы насъ слѣдующій станокъ, къ огорченію нашему оказалось, что ни коней, ни мужиковъ нѣтъ дома. Пришлось ходить по деревнѣ и искать другихъ мужиковъ. Пока я ходилъ, рядился, пока имали коней, запрягали, пока приспособили къ коробку багажъ, полилъ дождь, стемнѣло такъ, что стало не видно дороги. Ѣхать нѣсколько часовъ подъ проливнымъ дождемъ во мракѣ ночи по проселочной дорогѣ по берегу Туры значило бы рисковать цѣлостью своей персоны; волей неволей пришлось остановиться на ночь, подвинувшись за день только на 35 в. отъ Тюмени!

На другой день раннимъ утромъ тронулись далѣе въ надеждѣ къ ночи проѣхать остающіеся 100 вер. и достигнуть обѣтованной Ивлевой. Опять начались приспособленія къ коробкамъ, вправки въ колеи, разъѣзды съ обозами. Скорѣй бы, думалось, выѣхать на тобольскій трактъ; тамъ наѣзжю и дорога лучше, и поѣдемъ скорѣе. Вотъ и село Саломовское, откуда мы поѣхали уже не по проселку, а по почтовому тракту. Напрасная надежда!

Зло и ужасъ тобольскаго тракта—мосты чрезъ рѣчки и болотины. Эти старыя многодеревянныя неуклюжія сооруженія совсѣмъ не имѣютъ перилъ, а самое полотно мостовъ зіяетъ дырами. Миновавъ такой мостъ, испытываешь нѣкоторое удовольствіе избавленія отъ опасности; и тѣмъ разнообразится монотонность путевыхъ ощущеній.

Поздно вечеромъ, наконецъ, мы остановились на берегу р. Тобола; среди мрака когда-тѣ горѣли фонари и обрисовывались какіе-то безформенныя массы. Это были пристани, а на противоположной сторонѣ—д. Ивлево. Съ истиннымъ удовольствіемъ и оставилъ свой коробокъ и шествуя по вязкому песку, всматривался въ окружающее. Вдоль берега—горы товаровъ, покрытыхъ брезентами; кучки рабочихъ лежали у разложенныхъ огней; на рѣкѣ стояло нѣсколько баржей,—вотъ и вся картина импровизированной пристани. Первой моей заботой было узнать,—стоитъ-ли пароходъ, когда онъ отходитъ, и поскорѣй взять билетъ. Контора, оказалось, помѣщалась въ одной изъ нашихъ арестантской баржи; разбуженный мною субъектъ, справившись въ спискѣ лицъ, телеграфировавшихъ объ оставленіи мѣста, вручилъ мнѣ билетъ съ увѣдомленіемъ, что стоящій пароходъ отходитъ черезъ сутки съ одной товарной баржей. Я былъ вполнѣ доволенъ и тѣмъ, что получилъ билетъ, и тѣмъ, что недолго придется ждать отхода парохода, а главное, что достигъ нѣкотораго убѣжища, гдѣ мѣсто и согрѣться и отдохнуть послѣ 16-ти часоваго сидѣнья на чемоданѣ.

Слѣдуя за матросомъ, тащившимъ мой багажъ, я пробирался по палубѣ парохода, покрытой тѣлами пассажировъ 3 класса; это, очевидно, были переселенцы; затѣмъ по узкой витой лѣстницѣ спустился въ каюту 2-го класса, гдѣ уже большая часть мѣстъ была занята ранѣе пріѣхавшими пассажирами. Сваливъ свой багажъ около выбранныго мѣста, первымъ дѣломъ я занялся устройствомъ ночлега: при свѣтѣ двухъ свѣчей осматривая непривлекательную обстановку каюты, я вскорѣ заснулъ сномъ праведника.

Наступившій день предстояло провести въ каютѣ стоящаго парохода; но спертый и полный табачнаго дыма воздухъ, невозможность пить чай, заваренный на отвратительной водѣ изъ пароходнаго куба, все это заставило, несмотря на холодную и пасмурную погоду, покинуть каюту. Первымъ дѣломъ цѣлой партіей мы перебрались на другой берегъ въ деревню для отысканія самовара и свѣжаго бѣлаго хлѣба; къ сожалѣнію, запаса послѣдняго нельзя было сдѣлать, да и вообще съѣстная торговля бѣдной деревушки далеко не процвѣтала. Для препровожденія остальнаго времени оставалось ходить по песчаному берегу и наблюдать, какъ нагружаютъ баржу, принимаютъ и складываютъ подносимые товары. Вотъ кучка мужиковъ сидитъ около вскрытыхъ ящиковъ съ пачками махорки и сосредоточенно ихъ сортируетъ, откладывая сухія въ одно мѣсто, подмоченныя—въ другое. Оказывается, что одинъ возъ упалъ съ моста въ рѣчку и нѣкоторые ящики подмокли. Горе мужиковъ заключается въ томъ, что они, подмочивъ одинъ возъ, попортили товару на 97 р., и вмѣсто полученія 94 р. за доставленный товаръ теперь должны еще доплатить 3 р.; чѣмъ кончились пререканія между ними и пріемщикомъ, не знаю.

Долго-ли коротко-ли, все же этотъ день томительнаго ожиданія прошелъ; ложась спать, пассажиры знали, что завтра не увидятъ Ивлевой и пересядутъ съ этого парохода на другой—большій, который уже и доставитъ ихъ въ Томскъ.

Какъ плыли по Тоболу и гдѣ совершилась эта пересадка, не помню; но помню, что она совершилась поздним вечеромъ при отсутствіи всякаго порядка: публика 3 класса сразу заняла всю палубу оживлявшаго парохода, гдѣ наиболѣе теплыя мѣста уже заняты были ранѣе прибывшими. Около получаса положительно не было никакой возможности пробраться чрезъ сплошную массу стоящихъ тѣлъ въ рубку или каюту или выбраться оттуда; наконецъ, въ этой живой массѣ образовалось, такъ сказать, трещина, по которой съ нѣкоторыми затрудненіями и пререканіями и можно было пройти въ каюты. Въ этотъ разъ на избранномъ мной диванѣ предстояло мнѣ покоиться по крайней мѣрѣ 7 сутокъ!

Пароходъ, оказалось, находился въ нѣсколькихъ часахъ ходьбы отъ Тобольска, и послѣ полуночи долженъ туда прибыть. Обстоятельство чрезвычайно важное, ибо всей этой массѣ пассажировъ необходимо запастись продовольствіемъ по меньшей мѣрѣ на недѣлю, а это только и можно сдѣлать въ Тобольскѣ, потому что далѣе вплоть до Томска большихъ населенныхъ пунктовъ не встрѣтить.

Около 2 час. пополуночи раздался свистокъ; дремавшіе пассажиры ожили. Пароходъ присталъ, и вся палуба вновь пришла въ движеніе. Въ ночной мглѣ мигали отдаленные огоньки города, предъ утренній морозъ обледенилъ деревянный помостъ пристани, вдоль котораго сидѣвшіе маркитанты зазывали пассажировъ, соблазняя ихъ прекрасными качествами своихъ булокъ, колбасъ и копченой рыбы. Немного далѣе—на берегу цѣлый рядъ лавокъ съ бѣлымъ хлѣбомъ; обступившая ихъ толпа полушубковъ спрашивала хлѣба пудами, и содержимое лавокъ быстро исчезало. Единственная открытая бокалейная лавка была полна интеллигентной публикой: табакъ, разныя закуски, сахаръ и проч. бакалеи перегружались на пароходъ. Въ сознаніи предстоящаго долгаго путешествія по странѣ безлюдной всѣ спѣшили сдѣлать запасы. Когда я вернулся

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

письмѣ и повторяетъ теперь, что за декабрь ей антрепризою не додано *48 руб.* и 300 р. слѣдовало додать, если бы она осталась на службѣ, за январь, *всего 348 руб.* Г-жа Ѳ. ссылается на *точное* доказательство, на росписку, данную ей имою. Она *подчеркиваетъ* курсивомъ свою ссылку на это *точное* доказательство. Пусть такъ! Не будемъ спорить противъ *точности* г-жи Ѳ... За нее *формальное* доказательство: *документъ* въ 211 руб.!

Я помню и не отказываюсь, что далъ г. Ѳ. 3 января росписку, или расчетъ въ долгѣ ей за декабрь 211 р. Она правъ, утверждая это. Но не правъ, когда утверждаетъ, что и по день выхода ея изъ труппы антрепреза ей осталась должна за декабрь 211 руб. Получивши 3 января драгоцѣнную для нея мою росписку, она послѣ 3 января и до выхода изъ труппы, т. е. въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца, *нѣсколько разъ въ счетъ жалованья брала у меня лично и изъ кассы отъ кассира разныя суммы денегъ, всего на 163 руб.*

Я сказалъ, что г. Ѳ. забранно въ разное время послѣ 3 января *163 руб.*, она, быть можетъ, запамятовала *такую крупную сумму*... Въ такомъ случаѣ, напомню ей о нѣсколькихъ слагаемыхъ, изъ которыхъ составлялась эта сумма: 8 января на оперу «Травіата» для своихъ знакомыхъ она взяла, за счетъ собственнаго жалованья, —такъ и записалъ просила кассира,—литерную ложу: Д. и два билета въ сталь, всего на 12 р. 60 к., 13 января ею взято было 2 руб., 30 января 80 к. на извощиковъ (два раза по 40 к.).

Все это г. Ѳ. взяла непосредственно *изъ театральной кассы*, что *подтвердитъ кассиръ*, лично имѣвшій съ нею дѣло и занесшій эти суммы въ кассовую книгу на ея счетъ. Онъ же, кассиръ, является и *отвѣтственнымъ* лицомъ *за выдачу* этихъ *15 р. 40 к.*, если г. Ѳ. отважется признать факты ихъ полученія ею. Отъ меня г. Ѳ. брала: 8 января 10 руб., 10 и 17 января по 20 р., брала 80 руб., 3 р. и фр., въ послѣдній разъ 10 руб., всего 147 р. 60 к., что съ 15 р. 40 к. и составитъ 163 руб. Вычта эта 163 руб. изъ утвержденной г. Ѳ., на основаніи росписки отъ 3 января, суммы въ 211 р., получится 48 руб., т. е. то, что мы только и считали недодаванія ей за декабрь мѣсяцъ. Прибавань 300 руб. жалованья за январь, получится опять-таки не 511 руб., а *348 руб.*

Если я не смогу, *юридически*, на основаніи росписокъ, или свидѣтелей, доказать, г. Ѳ., что она получала отъ меня *тогда-то* и *такіе-то* извѣстныя суммы денегъ, то *вообще* то фактъ полученія ею за это время денегъ я, къ счастью, *могу еще доказать*.

Напоминаю г-жѣ Ѳ. о ея собственномъ признаніи, сдѣланномъ 30 января въ присутствіи почти всѣхъ г.г. артистовъ. Тогда памятъ ея была, видимо, лучше: на вопросъ мой и г. Кравченко,—брала ли она въ счетъ жалованья послѣ 3 января деньги, *она сознавалась тогда, что брала*. Это ея публичное сознаніе могутъ подтвердить всѣ присутствующіе тогда, какъ то г.г. Киселева, Мондшейнъ, Печорина и другіе.

Что касается «юридическихъ» разсужденій г-жи Ѳ. относительно незаконности штрафовъ, которые она совершенно не признаетъ, ни тутъ насъ поражаетъ одно: это крайняя *неосторожность* г-жи Ѳ., выступающей съ публичнымъ письмомъ, и дѣлающей ссылки на несуществующія въ контрактѣ правила.

«Я знаю въ контрактѣ существуетъ правило (такъ цитируетъ (?!) г-жа Ѳ.), что, при разсчетѣ жалованья за каждый мѣсяцъ, вычитается и штрафъ, а остальная сумма выдается артисту, и онъ росписывается въ полученіи жалованья *сполна*. Очевидно, если съ меня сдѣланыя штрафы за сентябрь, октябрь и ноябрь, то они съ меня и были удержаны за эти мѣсяцы». Особенно хорошо тутъ это *«очевидно*, если съ меня сдѣланы штрафы... то они съ меня и *были удержаны*». Но вѣдь г-жа Ѳ. отлично знаетъ, что *штрафы тогда удержаны не были*, къ чему-же она говоритъ: *«очевидно были удержаны»*... Сознаюсь еще г-жа Ѳ. за дѣйствительно существующее въ контрактѣ правило, тогда ея «юридическій фокусъ» быть можетъ и удался бы... Но она, видимо, погорячилась и сгоряча... процитировала то, чего нѣтъ въ контрактѣ. Случается... хотя и рѣдко!

Представляя въ редакцію подлинный контрактъ, подписанный г-жей Ѳедоровой, я почтительнѣйшій просилъ редакцію отъ себя засвидѣтельствовать, что *правила о времени взиманія штрафовъ*, приводимаго г-жею Ѳ., нѣтъ въ контрактѣ, и что, слѣдовательно, правило это есть плодъ измышленій, къ сожалѣнію, публичныхъ.

Далѣе. Г-жа Ѳ. заявляетъ между прочимъ, что спектакль 15 января (опер. «Женское любопытство») отмѣненъ не по ея винѣ, а по ничтожности сбора въ 7 руб. Правда здѣсь только въ томъ, что опер. «Женск. любоп.» 15 января дѣйствительно не состоялась за малымъ сборомъ. Но эта самая оперетка была отложена *на 18 января*, въ доказательство чего честь имѣетъ представить въ распоряженіе редакціи объ афиши на 15 и 18 января; г-жа Ѳ., *замалчивая 18 число, ссылается на 15*, между тѣмъ какъ *неучастіе ея* въ спектаклѣ *именно 18 января* (а не 15) *и поставлено ей въ вину*.

Далѣе г-жа Ѳедорова говоритъ: «г-нъ Рыжаковъ удержалъ у меня изъ жалованья за ноябрь 100 руб. для уплаты по моему счету въ магазинъ Стахѣева *и до сихъ поръ туда не заплатилъ*»... Если г-жа Ѳ. желаетъ этимъ сказать, что я врожу, такимъ образомъ, какъ предполагаемъ способности передъ магазиномъ Стахѣева, то *можетъ* не безпокоиться, т. к. магазинъ Стахѣева никакой претензіи къ ней за эти 100 р. не имѣетъ; *а перевелъ изъ на себя, и магазинъ имѣетъ дѣло со мной*. Въ чемъ-же некрасивость поступка? Если же эти 100 р. мною до сихъ поръ не заплачены, то это потому, что, съ согласія самой-же г-жи Ѳ., предполагалось сначала, что изъ заплатитъ третье лицо, хорошо ей извѣстное, состоявшее въ долгу предъ антрепризой на сумму даже нѣсколько большую ста рублей. Такъ какъ въ то время лицо это отказалось отъ уплаты, то отвѣтственнымъ лицомъ предъ магазиномъ являюсь я, о чемъ съ вѣренною мною и было заявлено магазину.

Если-же г-жа Ѳ. хотѣла сказать, что я какъ бы скрылъ эти 100 р. отъ г-на Кравченко, то, *ничемъ не доказавъ этого*, она обнаружила неразборчивость своихъ средствъ въ своемъ, соглашаюсь, нѣсколько нервномъ, желаніи шпырнуть въ мою сторону хоть одинъ комокъ грязи...

Въ одномъ права г-жа Ѳ., это въ фактѣ полученія нами свидѣтельства объ ея болѣзни отъ доктора А. И. Макушина, 16 декабря. Свидѣтельство это было отнесено нами на ближайшій спектакль «Прекрасная Елена» а не къ «Травіатѣ», которая предполагалась на 26 дек., что, впрочемъ, не измѣняетъ права антрепренера на извѣстный вычетъ изъ жалованья г-жи Ѳ., согласно § 14 контракта, на почвѣ котораго основываетъ свои претензіи и сама г-жа Ѳ.—Во всякомъ случаѣ за неточность, вкравшуюся, вслѣдствіе спѣшности, въ письмо г-на Кравченко, послѣдній проситъ меня принести его искреннее извиненіе.

Мы обязаны сказать еще нѣсколько словъ о разсужденіяхъ г-жи Ѳ. по поводу незаконности штрафовъ. Выше мы видѣли, что одно правило о времени взиманія штрафъ въ она *измыслила*, но кромѣ этого выдуманнаго правила, она сослалась на правило, *дѣйствительно существующее* въ § 14 контракта, что «въ случаѣ болѣзни артиста антрепренеръ обязанъ для освидѣтельствованія прислать театральнаго врача», чего-де, антрепренеръ не дѣлалъ. Это вѣрно... Г-да антрепренеры оказались съ самаго начала не на высотѣ своего *антрепренерскаго предпринимательскаго положенія*: они не озаботились своевременно, хотя и имѣя къ тому полную возможность, *юридически обставить* всѣ штрафы и взысканія съ гг. артистовъ, не исполнившихъ своихъ обязательствъ. Такихъ упущеній *«наконецъ»* антрепренеры дѣйствительно не допустили-бы...

Когда мы уже кончали это письмо, нами сдѣлался извѣстнымъ еще одинъ *интересный* фактъ. Антрепренеръ Кравченко объявлено было 17 янв. рѣшеніе томской полиціи, по иску г. Ѳ., утвержденное окружнымъ судомъ, о взысканіи въ ея пользу съ антрепризы *600* руб. жалованья за дек. и янв. *Что это значитъ?* Еще недавно г-жа Ѳ. *публично заявляла* въ № 20 «Сиб. В.», *что ей слѣдуетъ доплачить жалованья всего 511 руб.*; Искъ же она предъявила *на шестьсотъ руб.* Sic!

По адресу г-жи Ѳ. я сказалъ все и дальнѣйшій газетной полемики вести не имѣю ни времени, ни желанія.

Н. Рыжаковъ.

М. г., г. редакторъ!

Просимъ дать мѣсто на страницахъ «Сибирскаго Вѣстника» нижеслѣдующему нашему заявленію.

Въ письмѣ своемъ г. Рыжаковъ ссылается на насъ, какъ на лицъ, которые могутъ подтвердить, что г. Ѳедорова въ присутствіи всѣхъ насъ 30 января *признала фактъ полученія ею отъ антрепризы денегъ послѣ 3 января*, когда г. Рыжаковымъ была выдана росписка въ долгѣ ей за декабрь 211 руб.

Означенное признаніе г. Ѳедоровой *дѣйствительно происходило при насъ*, что мы и подтверждаемъ теперь.

В. Киселева. М. Мондшейнъ. Дѣтрина. Андріанова. Мих. Свѣтловъ.

ВНУТРЕННЯЯ ХРОНИКА.

Петербургъ. Въ субботу, 2 февр., въ праздникъ Срѣтенія Господня, въ Свято-Троицкомъ соборѣ Александро-Невской лавры, за поздней литургіей, въ 10 часовъ утра совершена была хиротонія во епископа Ковенскаго, перваго января литовской епархіи, бывшаго ректора иркутской духовной семинаріи, а въ послѣднее время члена с.-петербургскаго цензурнаго комитета духовной литературы архимандрита Григорія. Архимандритъ Григорій—магистръ Казанской Духовной Академіи, монашество принялъ въ 1854 году. Съ 1855 года состоялъ сперва баккалавромъ, а потомъ и экстра-ординарнымъ профессоромъ Казанской Академіи. Въ 1867 году возведенъ въ санъ архимандрита и послѣ ректорства въ ужинской и иркутской духовныхъ семинаріяхъ, въ 1889 году вызванъ въ Петербургъ и назначенъ цензоромъ духовной литературы.

— 31 января происходили похороны тѣла скончавшагося на дняхъ правителя канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. Д. Пазухина. Тѣло покойнаго было перенесено во Владимирскую церковь, гдѣ и были совершены соборне мѣстнымъ духовенствомъ заупокойная литургія и отпѣваніе. На богослуженіи присутствовали: министръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь графъ И. Д. Делянновъ, товарищи министровъ внутреннихъ дѣлъ—тайный совѣтникъ, сенаторъ В. К. фонъ-Плеве и народнаго просвѣщенія—сенаторъ, оберъ-гофмейстеръ, князь Волконскій, директоры департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати Е. М. Феоктистовъ, с.-петербургскій градоначальникъ и другіе лица и чиновники министерства. На гробъ покойнаго, усыпанный живыми цвѣтами, были положены вѣнки изъ живыхъ розъ отъ канцеляріи министерства; большіе фарфоровые—отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и отъ чиновъ земскаго отдѣла. По окончаніи богослуженія, гробъ съ тѣломъ вынесли друзья и сослуживцы на рукахъ и пронесли мимо дома, гдѣ жилъ покойный и гдѣ была совершена литія, на Николаевскій мостъ. Тамъ, послѣ краткой литіи, гробъ былъ поставленъ въ вагонъ и отправленъ для погребенія въ имѣніе покойнаго, въ Симбирскую губернію.

— Недавно въ число студентовъ здѣшней духовной академіи поступилъ одинъ бывшій гвардейскій офицеръ (изъ остзейскихъ уроженцевъ). Онъ уже получилъ высшее образованіе въ университетѣ (на математическомъ факультетѣ). Въ гвардіи онъ прослужилъ семь лѣтъ и дослужился здѣсь до чина штабсъ-капитана. Оставивъ военную службу, онъ поступилъ сначала въ московскую духовную академію, а теперь въ петербургскую.

— Академики Л. И. Шренкъ и Ѳ. Б. Шмидтъ единогласно избраны: первый—членомъ-корреспондентомъ антропологическаго общества въ Вѣнѣ, а послѣдній—иностраннымъ корреспондентомъ лондонскаго геологическаго общества.

— Въ Петербургѣ недавно находился подъ строгимъ инкогнито принцъ Генрихъ Орлеанскій. Принцъ жилъ въ гостиницѣ «Франція», подъ именемъ графа де-Пенера. Принцъ Генрихъ сынъ герцога Шартрскаго, одна изъ дочерей котораго замужемъ за принцемъ Вольдемаромъ Датскимъ. Ему теперь 24 года. Пребываніе его въ Петербургѣ продлится нѣсколько недѣль.

— Одна изъ старѣйшихъ фотографій Петербурга, существовавшая около 40 лѣтъ, фотографія Бергмасаго, въ скоромъ времени окончательно прекращаетъ свою дѣятельность.

— Супруга покойнаго А. Д. Пазухина, М. О. Пазухина, получила слѣдующую телеграмму отъ симбирскаго губернскаго и нѣсколькихъ уѣздныхъ предводителей дворянства:

«Съ душевнымъ прискорбіемъ узнали мы о кончинѣ достопамятнаго мужа вашего. Да ускоритъ васъ Господь въ тяжкомъ испытаніи, вамъ посланномъ. Велика ваша потерь, но и мы тоже потеряли въ лицѣ покойнаго вѣрнаго выразителя нуждъ нашихъ, нуждъ русской деревни, и не можемъ достаточно сожалѣть о невозвратимой потерѣ нашей. Съ вами молимъ Бога, да пошлетъ Онъ ему успокоеніе въ мірѣ горнемъ, а намъ, живымъ, достаитъ утѣшеніе видѣть начала нашего мужа управленными въ отечествѣ нашемъ».

— Въ началѣ января началось обученіе служащихъ Финляндской желѣзной дороги русскому языку. Съ этою цѣлью въ домѣ правленія дороги, находящемся близъ вокзала, на Выборгской сторонѣ, учреждена школа, посѣщаемая служащими, во время пребыванія ихъ въ Петербургѣ. По окончаніи курса этими служащими, они будутъ замѣнены другою смѣною, изъ числа находящихся на службѣ въ Финляндіи. Предназначается обучить русскому языку всѣхъ безъ исключенія служащихъ дороги.

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

Германія. Рескриптъ императора Вильгельма II генераламъ Вальдерзе и Лешинскому, германская печать сопровождаетъ пространными и разнообразными комментаріями. «National Zeitung» говоритъ, что мотивы увольненія графа Вальдерзе имѣютъ почти исключительно военный характеръ. Императоръ имѣетъ въ виду поставить Вальдерзе во главѣ одной изъ дѣйствующихъ армій, а потому полагаетъ не лишнимъ вернуть его на службу въ войскахъ, тѣмъ болѣе, что онъ оставилъ строевую службу лишь въ качествѣ полкового командира и, слѣдовательно, не командовалъ на бригадою, ни дивизіей. Но изъ видовъ, которые имѣетъ на Вальдерзе императоръ, явствуетъ также, что, въ случаѣ войны, онъ не будетъ занимать должности начальника штаба всей арміи. Далѣе газета считаетъ правдоподобными слухи, что нынѣ увольненіи Вальдерзе отъ поста начальника генеральнаго штаба является отчасти инцидентомъ Каприви... Тоже говоритъ и мюнхенская «Allgemeine Zeitung», которая присовокупляетъ, что уже много лѣтъ, какъ между обоими генералами существуютъ серьезныя разногласія. Со времени назначенія генерала Каприви канцлеромъ, разногласія, повидимому, усилились; графъ Вальдерзе, повидимому, не ограничивался своею сферою дѣятельности и вмѣшивался въ дѣла, къ арміи вовсе не относящіяся. Вслѣдствіе этого положеніе стало невыносимымъ, и императоръ Вильгельмъ, какъ говоритъ, рѣшилъ быть отнынѣ своимъ собственнымъ начальникомъ генеральнаго штаба. «Allgemeine Reichscorrespondenz» увѣряетъ, что причинами увольненія Вальдерзе являются разногласія во мнѣніяхъ относительно задачъ генеральнаго штаба, совершенныя на послѣднихъ маневрахъ тактическія ошибки, равно какъ то обстоятельство, что военному агенту въ Парижѣ, барону Гюне, предписано было посылать свои донесенія о военныхъ мѣропріятіяхъ Франціи не начальнику генеральнаго штаба, а дипломатическая канцелярія.

Что касается причинъ выхода въ отставку Лешинскаго, то большинство газетъ увѣряетъ, что его побудили къ тому важныя семейныя обстоятельства, хотя нѣкоторыя и продолжаютъ утверждать, что фактъ этого находится въ тѣсной связи съ извѣстнымъ объѣздомъ, даннымъ генераломъ князю Бисмарку въ Альтонѣ, а также съ слишкомъ отровенными характеромъ Лешинскаго.

— Новый начальникъ германскаго генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ фонъ-Шлиффенъ 2-й родился въ 1833 г.; ему, слѣдовательно, 58 лѣтъ. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ кавалеріи, Шлиффенъ поступилъ въ 1859 г. въ военную академію и по выпускѣ оттуда служилъ преимущественно въ генеральномъ штабѣ. Въ 1866 г. онъ былъ военнымъ агентомъ въ Парижѣ. Во время войны 1870—71 г. онъ состоялъ при штабѣ арміи великаго герцога Мекленбургскаго и отличился въ военныхъ дѣйствіяхъ на Луарѣ. Въ апрѣлѣ 1887 г. онъ былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ. Хотя въ высшихъ чинахъ Шлиффенъ и не много служитъ въ строю, его считаютъ опытнымъ военачальникомъ. Сверхъ того ему приписываютъ рѣдкое даже въ германской арміи знакомство съ иностранными арміями, особенно съ французской.

Сербія. Въ засѣданіи 26-го января (7-го февраля) скупщины, 23 депутата потребовали немедленной высылки королевы Наталіи изъ Сербіи. Министрамъ удалось, однако, успокоить этихъ депутатовъ заявленіемъ, что они съумѣютъ принять, если потребуется, надлежащія мѣры къ охранѣ достоинства государства.

Англія. Лордъ Гренвилль, который, будучи укушенъ бѣшеной собакой, спасся отъ послѣдствій этого несчастія лѣченіемъ Пастера, обратился въ лондонскія газеты съ воззваніемъ къ общественному мнѣнію, доказывая необходимость немедленно устроить пастеровскій институтъ въ Англіи.

СПРАВОЧНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

Метеорологическія наблюденія въ г. Томскѣ, съ 1-го февраля по 16-е февраля 1891 года.

Дѣйствительное время наблюденія	Стар. стиль	Нов. стиль	Барометръ въ мм.	Температура воздуха по Цельсію			Относительная влажность воздуха въ %			Направленіе и сила ветра по Вильду			Осадки въ миллиметрахъ	Испаренія въ миллиметрахъ
				Средняя	Наивысшая	Наинизшая	Средняя	Наивысшая	Наинизшая	Средняя	Наивысшая	Наинизшая		
7 февраля	719	746	745.1	743.6	—16.5	—10.9	—18.1	83.2	70.0	0.6	0.4			
8	720	747	739.8	744.1	—14.3	—20.8	—18.7	83.2	76.0	0.9	0.6			
9	721	748	743.2	743.7	—16.4	—13.1	—19.5	83.2	76.0	0.9	0.6			
10	722	749	748.8	750.1	—8.1	—7.2	—12.8	83.2	76.0	0.9	0.6			
11	723	750	748.8	750.8	—8.1	—7.1	—11.7	83.2	76.0	0.9	0.6			
12	724	751	748.8	750.8	—8.1	—7.1	—11.7	83.2	76.0	0.9	0.6			
13	725	752	743.8	744.8	—13.6	—10.9	—18.1	83.2	76.0	0.9	0.6			
14	726	753	744.8	745.8	—14.5	—12.5	—19.5	83.2	76.0	0.9	0.6			
15	727	754	743.8	744.8	—16.3	—12.5	—19.5	83.2	76.0	0.9	0.6			
16	728	755	743.8	744.8	—21.2	—23.5	—28.5	83.2	76.0	0.9	0.6			

Средняя температура за 10 дней: —13.18°.

Средняя температура за 10 дней стараго стиля: —18.18°.

Средняя температура за 10 дней нового стиля: —18.18°.

Средняя температура за 10 дней нового стиля: —18.18°.

въ каюту съ разными съѣстными пріобрѣтеніями, мнѣ показалось, что я попалъ въ съѣстную давку: спутники мои сортировали разную копченую рыбу, колбасы, коровак; при этомъ вся эта снѣдь пробовалась, одобрялась и тщательно разсовывалась по разнымъ мѣстамъ.

Торжище кончилось, всѣ успокоились, пароходъ тронулся далѣе къ Иртышу среди глубокаго мрака.

Наступилъ второй день плаванія. Мы плыли по широкому Иртышу. Я неоднократно выходилъ на тратъ, но снѣгъ и холодный вѣтеръ прогонили обратно въ каюту; температура воздуха была около 20К. Да и смотрѣть было нечего,—нижніе песчаные берега поражали своимъ печальнымъ однообразіемъ и безлюдьемъ. При такихъ обстоятельствахъ, когда приходится каждому сидѣть на своемъ абонированномъ мѣстѣ, наиболѣе счастливо тотъ, кто способенъ спать и днемъ и ночью, изображая изъ своей персоны просто «мѣшокъ»; но такихъ счастливцевъ немного, и потъ скучающая публика развлекается процессами чаепитія и ѣденія, картами и чтеніемъ.

Отъ нечего дѣлать я наблюдалъ своихъ спутниковъ. Это были торговые люди и чиновники разныхъ вѣдомствъ, вновь опредѣленные на службу въ Сибирь и возвращающіеся изъ отпуска. Между ними немало было лицъ молчаливыхъ и несообщительныхъ, но за то обязательно нашлись талантливый разсказчикъ эпическихъ исторій и комикъ, и благодаря проявленію такихъ талантовъ, длинный осенній вечеръ разнообразился взрывами гомерическаго хохота.

Съ утра уже раздавались возгласы: «трефи», «пики», «безъ козыря»! Я пробовалъ читать; но такъ какъ нѣкоторыя окна закрыты были подушками, потому что въ щели ихъ страшно дуло, то къ каютѣ и днемъ стоялъ сумракъ, и читать можно было только урывками; чтобы не сидѣть въ совершенномъ бездѣйствіи, пришлось принять участіе въ карточныхъ сраженіяхъ...

Около 12 час. ночи пришли наконецъ въ с. Демьянское. Здѣсь происходила нагрузка дровъ. Запыхали на берегу громадные костры; десятки работниковъ таскали на носилкахъ здоровенныя плахи и сваливали ихъ съ страшнымъ грохотомъ на палубу, откуда онѣ сперва сбрасывались въ трюмъ, а потомъ укладывались цѣлыми поленницами на палубѣ. Говорили, что машина этого парохода въ сутки пожирала до 15 руб. с.! Операція нагрузки дровъ продолжалась болѣе часа, и затѣмъ пароходъ опять устремился къ сѣверу среди непрогляднаго мрака. Съ трудомъ можно было различить отдаленные берега; сзади парохода мелькалъ огонекъ фонаря на мачтѣ баржи; монотонно скрипѣлъ ходовый поворотъ тента буксирный канатъ; съ однообразнымъ шумомъ вода бурлила подъ колесами. На небѣ ни одной звѣздочки, окрестъ—ни одного огонька...

10 сент., плаваніе день третій. Перешли 60° с. ш., еще 1° и около с. Самарова вступимъ въ Обь, по которой сперва будемъ подвигаться на В.

Вотъ и Самарово. Это единственный пунктъ, гдѣ берегъ достигаетъ 20 саж. высоты. Нѣсколько пассажировъ, закутанныхъ потеплѣе, размаивали уставшіе отъ неподвижности тѣла прогулкой по берегу. Мнѣ живо припомнился тотъ день іюня, когда я былъ въ Самаровѣ, плыва «туда»—къ Россію. Тогда былъ безоблачный жаркій день; всѣ обрадовались, увидѣвъ сушь, и многіе предпринали восхожденіе на самый верхъ обрывистаго берега. Ноги скользили по склону, покрытому хвоями, и приходилось хвататься за вѣтки деревьевъ, чтобы не скатиться внизъ. Цѣлое пріятное море разстилалось подъ ногами зрителя!

11 сентября, день четвертый. Мы плыли уже по Оби. Гдѣ сливаются Иртышъ и Обь, положительно трудно замѣтить,—до того широки рѣки и однообразны ихъ берега. Обь гораздо шире Иртыша; мутная вода, совершенно низкіе берега, покрытые кустарникомъ, песчаныя отмѣли, тянущіяся вдоль всюду разбросанныхъ островковъ,—тоскливая картина. Подъ вечеръ, какъ ни было холодно на тратѣ, я все же вышелъ посмотрѣть мѣсто, названное Лямина Соръ. Здѣсь ширина Оби достигаетъ своего maximum'а, и говорятъ, что въ сильный вѣтеръ качка бываетъ настолько чувствительна, что у пассажировъ являются признаки морской болѣзни.

12 сентября, день пятый. Рано утромъ прибыли въ Сургутъ, столицу остяцкаго народа. Ни теперь, ни прежде я не видѣлъ самаго города: онъ гдѣ то скоровился въ сторонѣ, расположившись на протокѣ Оби. Обычная нагрузка дровъ; нѣсколько бабъ, продающихъ кедровые орѣхи и молоко, вотъ и всѣ впечатлѣнія этой стоянки. Отъ Сургута до слѣдующей станціи—с. Тимскаго 49 часовъ непрерывнаго ходу по расписанію! Судьба сжалилась надъ путешественниками по сѣверной пустынѣ: небо очистилось, и выглянуло солнце; вѣтеръ ослабѣ настолько, что стало возможнымъ сидѣть на тратѣ. Свѣжая пастырной погоды на солнечную внесла пароходное населеніе нѣчто ободряющее. Мое апатичное состояніе, явившееся вслѣдствіе постояннаго пребыванія на жесткомъ и короткомъ диванѣ, смѣнилось нѣкоторымъ мозговымъ возбужденіемъ. При скудости впечатлѣній отъ созерцанія окрестныхъ печальныхъ картинъ работало воображеніе: припоминалось прошлое, думалось о будущемъ, переживались, такъ сказать, тѣ впечатлѣнія, какія я испыталъ за это лѣто, проведенное въ Россіи послѣ нѣсколькихъ годовъ службы въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Мнѣ живо представлялись тѣ дни, когда я юнѣ я плылъ на этомъ же пароходѣ, пробирясь въ Европу. Уже самое направленіе движенія—на западъ—для чиновника, вынуждающаго вторую сибирскую прибавку, сжимало томительность путешествія; я вдоволь стояли теплые солнечные дни, Обь была въ полномъ разливѣ. Казалось, пароходъ шелъ не по рѣкѣ, а по широкому озеру; мѣстами берегомъ или не было видно, или же одинъ изъ нихъ обрисовывался узкимъ краемъ на горизонтѣ. Острова, теперь раздѣляющіе водный потокъ Оби на отдѣльные протоки, тогда были покрыты водою, изъ которой торчали стволы деревьевъ и вершины кустарниковъ, только что начинавшихъ развертывать свою листву. Теперь осенью картина не та. Протоки обособились, выступили низкіе песчаные острова, громадные по своей площади, съ жалкими оголенными кустарниками; рѣдко—рѣдко увидишь избушки бѣднаго рыболовнаго поселка, во время розлива стоявшія до крыши въ водѣ. А все же и теперь, осенью, широка Обь!

Какъ видите, какое продолжительное плаваніе и какъ мало получаетъ путешественникъ впечатлѣній отъ окружающей природы, съ которой вполнѣ гармонируютъ коренные обитатели береговъ Оби—остяки, влачащіе самое жалкое существованіе.

И если плаваніе по Оби производитъ удручающее впечатлѣніе на путниковъ вольныхъ, то что же должны чувствовать путники *невольные*, въ количествѣ 600 человѣкъ запертые въ клѣтки арестантской баржи? Для этихъ людей по истинѣ Обь—рѣка Унынія, ведущая въ страну Скорби и Печали...

15 сентября, утромъ, въ Нарымѣ. Опять городъ, невидимый съ рѣки. Но Богъ съ нимъ! Еще двое сутокъ ходу, и прощай мое жесткое ложе бездѣйствія, на которомъ я такъ много передумалъ за послѣднія ночи. Наигравшіяся въ карты, досыта наболтавшаяся публика нашей каюты полезаетъ на абонированныхъ диванахъ; сибчи сгорѣли; слышенъ шумъ воды подъ колесами, корпусъ парохода дрожитъ, буксирный канатъ монотонно трется о крышу тента. Не одному мнѣ, но, я думаю, и другимъ приходятъ на мысль,—а что если случится съ пароходомъ несчастіе! Всѣ, конечно, сразу постараютъ выбраться на палубу, куда ведетъ одна узкая винтовая лѣсенка; но въ то же время населеніе палубы въ безпорядкѣ можетъ надечь на дверь, ведущую въ каюты, и тогда открыть ее будетъ невозможно, или просто пассажиры каютъ не втиснутся въ живую массу палубы. Такія мрачныя мысли приходили невольно въ голову и даже были предметомъ обсужденія; но все-таки крѣпкій сонъ одолѣвалъ путниковъ.

Вечеръ, 16 сентября, былъ вечеромъ девятаго и послѣдняго дня плаванія: ночью мы должны были войти въ Томь и утромъ 17-го бытьъ Томскѣ. Такой многозначительный вечеръ, былъ почтенъ встрѣбленіемъ за ужиномъ цѣлаго осетра лицами каютъ—компаніи. Общее веселье продолжалось до разсвѣта, раздавались взрывы гомерическаго хохота, завязался даже споръ на какую-то отвлеченную тему, въ которомъ одинъ отмѣнно здоровый дѣтина отстаивалъ «русское логическое право»...

Передъ сномъ я вышелъ на тратъ. Мы плыли по Томи; ночь была лунная и очень холодная; на зеркальной поверхности рѣки мѣстами стоялъ туманъ. Пароходъ, какъ бы предчувствуя скорый отдыхъ, шелъ ускоренно.

Утромъ я уже ѣхалъ отъ пристани въ городъ по отвратительной дорогѣ; но солнце такъ привѣтливо и тепло свѣтило, и я такъ былъ обрадованъ окончаніемъ плаванія по рѣкѣ Уныніи, что позабылъ угнетающее чувство возвращенія «обратно» и даже съ нѣкоторымъ веселіемъ ѣхалъ по улицамъ университетскаго города, гдѣ обыватель въ дождь тонетъ въ грязи, въ сушь—задыхается отъ пыли, зимой утопаетъ въ снѣгу и мерзнетъ въ холодныхъ домикахъ.

А. Лумбовецъ.

Типографія М. Ф. Карташевой, въ Томскѣ.

Дозволено цензурою 21 февраля 1891 года.

Редакторъ-издатель В. П. Карташевъ.